

Петр Струве. На разные темы (1893-1901)
Сб. сочин. т. IV, 1902. Впервые: «Новое слово»,
1897 № 1 (октябрь) Новиз.

мас. № 1028₅

„МУЖИКИ“ ЧЕХОВА и Г. МИХАЙЛОВСКИЙ.

(1897 г.).

Я давно не бесѣдовалъ съ читателями „Новаго Слова“ въ той непринужденной формѣ, которую представляютъ мои замѣтки на разные темы. Послѣдній разъ я говорилъ о „Мужикахъ“ г. Чехова. Въ июльской книжкѣ „Русскаго Богатства“ „Мужиками“ и еп блос всеѣмъ, написаннымъ о „Мужикахъ“, на нѣсколькихъ страницахъ „Литературы и жизни“ занимается г. Н. К. Михайловскій. Этихъ страницъ не хочется пройти молчаніемъ — лучше поздно, чѣмъ никогда.

Статья г. Михайловскаго — полемическая, и притомъ ея полемика направлена противъ нашего журнала и, въ частности, противъ вашего покорнѣйшаго слуги, но ни журналъ, ни авторъ въ статьѣ не называются. Г. Михайловскій какъ будто стремится избѣгнуть общепринятой видимости полемики — дѣлаетъ такъ, чтобы полемика и была, и какъ будто ея не было.

Послѣ кровавыхъ полемическихъ сраженій, данныхъ на страницахъ „Русскаго Богатства“ „ученикамъ“, „настоящимъ“ и „ненастоящимъ“, столь мягкая форма полемики представляетъ, по крайней мѣрѣ, прелесть разнообразія. Все выходитъ гладко и чинно, и слѣдуетъ надѣяться, что неистовые „марксисты“ послѣдуютъ благому примѣру, подаваемому писателями „Русскаго Богатства“. Впрочемъ, мои коллеги — народъ ненадежный и того и гляди сорвутся съ добровольно надѣтой на себя цѣпи. А потому и не буду брать на себя ручательства за нихъ.

Мягкость и добродушіе г. Михайловскаго дѣйствительно умиленны. Ибо къ тому, что писалось противъ нечестивыхъ учениковъ въ благомыслящей нашей печати, вполне приложимы слова Тацита, которыми онъ резюмируетъ современныя ему свѣдѣнія о нравахъ и преимущественно о невѣроятной дикости финновъ:

„Остальное уже баснословно, именно будто Геллузине и Оксіоны имѣютъ головы и черты лица человѣческія, а туловища и члены звѣриныя. Но, какъ вещь недоказанную, я оставляю это подѣ сомнѣніемъ“¹⁾. Въ прежнихъ писаніяхъ противъ „учениковъ“ дѣло нерѣдко доходило до приписыванія имъ... „членовъ звѣриныхъ“. А теперь какая мягкость, какая снисходительность, переходящая подчасъ даже въ покровительственный тонъ!

Признаюсь, впрочемъ, что деликатное обращеніе „Русскаго Богатства“ и его критика нѣсколько напомнило мнѣ суевѣріе, по которому первобытные люди избѣгаютъ называть по имени вредныхъ людей и вредныхъ вещи. Суевѣріе это, которому до извѣстной степени обязана своимъ происхожденіемъ литературная фигура эвфемизма, основана на свойственномъ примитивному мышленію безраздѣльномъ сліяніи вещи и ея наименованія. Конечно, наши почтенные противники совершенно неповинны въ примитивности мышленія, но я, грѣшный человѣкъ, думаю, что ихъ деликатности, эвфемизмы и умолчанія продиктованы настроеніемъ, психологически весьма родственнымъ тому, которое лежитъ въ основѣ указаннаго нами суевѣрія. „Ученики“ надѣлали много литературныхъ непріятностей, и лучше объ этихъ вредныхъ людяхъ не говорить. Долго ли до грѣха съ разговорами и спорами? Но мы не питаемъ къ своимъ противникамъ никакихъ суевѣрныхъ чувствъ, и потому я позволяю себѣ, возражая г. Михайловскому, называть его по имени.

Впрочемъ мою статью о „Мужикахъ“ удостоилъ своего вниманія не только г. Михайловскій. Нѣчто о моей статьѣ написалъ въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ одинъ литературный гимназистъ, открывшій въ ней новый образецъ „экономической критики“. Объ этомъ открытіи я упоминаю ради курьеза—говорить серьезно о гимназическихъ упражненіяхъ, хотя бы и печатаемыхъ въ толстыхъ журналахъ, не приходится.

Г. Михайловскій недоволенъ тѣмъ, что разглагольствованія по поводу „Мужиковъ“ на тему о необходимости просвѣщенія могутъ кое-кому представляться пошлыми и мелкими. „Необходимость просвѣщенія—выводъ практической, приглашающій къ нѣкоторымъ дѣйствіямъ“—говоритъ публицистъ „Русскаго Богатства“. Мы думаемъ, что прежде, чѣмъ приглашать къ дѣйствіямъ и такимъ образомъ являться дѣйственнымъ—этотъ выводъ долженъ быть

¹⁾ Сочиненія Корнелія Тацита, перев. В. И. Модестова, изд. Л. Ф. Пантелѣева, т. I, Спб. 1886 г., стр. 65.

специализированъ. „Просвѣщеніе необходимо“ — въ этомъ всѣ согласны, но — спросимъ мы знаменитыми пафосными словами, — „на какой предметъ и въ какомъ градусѣ оно необходимо? Людей, словами отрицающихъ необходимость просвѣщенія“, нѣтъ или почти нѣтъ, но людей, или даже обществъ, цѣлыхъ (и притомъ огромныхъ) общественныхъ силъ, своими дѣйствіями отрицающихъ „просвѣщеніе“ — весьма достаточно. И ихъ такъ много потому, что насчетъ „предмета“ и „градуса“ они держатся иныхъ мнѣній, чѣмъ мы съ вами, читатель, а также, смѣю думать, и Г. Михайловскій. Слѣдовательно, выводъ о необходимости просвѣщенія практически и теоретически въ наше время пустопорожній выводъ, и вся сила — въ „предметѣ“ и „градусѣ“ просвѣщенія, о которыхъ авторы многочитаемыхъ фельетоновъ, вѣщатели публицистическихъ банальностей, и не думаютъ заикаться.

„Необходимость просвѣщенія“ — выводъ практической, приглашающей къ нѣкоторымъ дѣйствіямъ. Другіе считаютъ его пустяками, не стоящими вниманія, а важнѣе, дескать, выводъ теоретическій: городъ въ лицѣ полового Николая и горничной Ольги выше деревни въ лицѣ ихъ дикихъ сродниковъ. Ну, а дальше что? Слѣдуетъ ли изъ этого, что городъ, который и безъ того хорошъ (!) можно оставить безъ вниманія и всѣ заботы общества должны сосредоточиться на деревнѣ, которая такъ темна и безпомощна? Повидимому, нѣтъ, и даже скорѣе напротивъ. Во всякомъ случаѣ, насъ продолжаютъ держать на высотѣ чисто-теоретическаго вывода и настаиваютъ на немъ съ страннымъ полемическимъ задоромъ. Задоръ этотъ странный по своей запоздалости. Было время, когда кое-кто изъ нашихъ беллетристовъ чрезмѣрно идеализировалъ деревню въ ущербъ или въ пику городу. Были у этого направленія свои теоретики-публицисты,* прибѣгавшіе къ чрезвычайно страннымъ приемамъ для оправданія и развитія своихъ положеній. Напримѣръ, одинъ изъ нихъ писалъ: „Если только намъ суждено скоро услышать „надлежащее слово“, его скажутъ люди деревни, а не города. и ужъ всего меньше Петербурга. Да, скажетъ его деревня, какъ бы презрительно ни думали о ней книжники. Хотѣлось бы пояснить, что подъ деревней здѣсь подразумѣвается единица, олицетворяющая собой принципъ солидарности, нравственной связи, въ противоположность принципу крайняго индивидуализма и разобщенности, выразителемъ котораго былъ и есть европейскій городъ“. Это писалъ двадцать лѣтъ тому назадъ въ „Недѣлѣ“, нѣкто Г. П. Ч., вѣроятно давно уже отказавшійся отъ своей тогдашней точки зрѣнія. Да и вообще въ настоящее время въ литературѣ нѣтъ ея представителей. Но зато ее усвоили, напримѣръ, комментаторы „Мужиковъ“, только, такъ сказать, съ перемѣною адреса... Логическая ошибка вышеприведеннаго разсужденія Г. П. Ч., какъ я уже тогда указывалъ, состоитъ въ томъ, что, вѣрно или невѣрно усвоивъ деревнѣ извѣстную черту, онъ *отвлекаетъ* ее отъ всѣхъ непривлекательныхъ сторонъ деревни — ея невѣжества, пьянства, грубости — и противопоста-

вляеть эту *отвлеченную* деревню *конкретному* Петербургу, въ которомъ, конечно, много морзостей. Совершенно также поступаютъ комментаторы „Мужиковъ“ (я не говорю, самъ г. Чеховъ). Вѣрно или невѣрно приписавъ извѣстныя черты городскому жителю вообще, они берутъ отвлеченнаго полового—вытираютъ изъ его прошлаго всѣ тычки, пинки, ругательства и издѣвательства, претерпѣнные имъ съ одипнадцатилѣтнаго возраста до тѣхъ поръ, пока онъ самъ сталъ раздавать таковыя же мальчишкамъ-ученикамъ; промываютъ его глаза и уши отъ всего, что онъ видѣлъ и слышалъ въ отдѣльных кабинетахъ; вычеркиваютъ и его ежедневную 19-ти часовую работу, и всѣ гнусныя привычки хамскаго угодничества изъ-за „на-чаекъ“, вырабатываемыя нашими дикими правами вообще, и всѣ тѣ оскорбленія, которыя онъ, благодаря все той же нашей общей дикости, получилъ отъ пьяныхъ посѣтителей, и проч., и проч... Все это отбрасывается, стирается, и получается исключительно воплощеніе того момента каторжной жизни полового, когда онъ любезно и предупредительно предлагаетъ вамъ въ хорошемъ московскомъ трактирѣ: спаржи не прикажете ли?—хорошую получили. И этого отвлеченнаго полового видѣряютъ въ конкретную, даже въ ультра-конкретную деревню, изъ которой не только ни одна подлинная соринка не выметена, а еще лишняго навозу навалено для большей яркости.

Отвлеченный половой всѣмъ возмущается въ конкретной деревнѣ. „На Ильи пили, на Успенье пили, на Воздвиженье пили. На Покровъ въ Жуковъ былъ приходскій праздникъ, и мужики по этому случаю пили три дня; пропили 50 рублей общественныхъ денегъ и потомъ еще со всѣхъ дворовъ собирали на водку“. Да, это правда, и ужасная правда. Но вѣдь это только для отвлеченнаго полового невидаль, а конкретный половой знаетъ, что въ московскихъ трактирахъ круглый годъ, каждый день пьютъ. Въ избѣ, въ которой пришлось поселиться Чикильдѣевымъ, грязно, тѣсно, душно. Да, навѣрное, такъ. Но прочтите печатающуюся въ этой книжкѣ „Русскаго Богатства“ статью г-жи Покровской „Жилища петербургскихъ рабочихъ“, и вы увидите, что не только на деревенской родинѣ Чикильдѣева есть люди, живущіе въ грязи, тѣснотѣ, смрадѣ. И конкретный половой не можетъ этого не знать, потому что какъ засвидѣтельствовано многочисленными полицейскими протоколами, многіе половые, проработавъ 18—19 часовъ въ трактирной атмосферѣ со всѣми ея прелестями, отдыхаютъ, то есть спятъ, въ условіяхъ, своими неудобствами, можетъ быть, превосходящихъ даже избу Чикильдѣевыхъ. Ну, а отвлеченный Чикильдѣевъ, тотъ такъ и стоитъ въ храмоподобномъ залѣ Славянскаго Базара, облеченный во фракъ и крахмальную манишку, и любезно улыбается. Есть, однако, и относительно этого франта (!) одно указаніе, способное очень ослабить впечатлѣніе того свѣтлаго пятна, которое онъ производитъ на фонѣ деревенскаго мрака. Проработавъ, не зная отдыха, лѣтъ сорокъ, онъ не имѣетъ, гдѣ приклонить голову, и ѣдетъ кочкать жизнь въ деревню; а послѣ его смерти его жена и дочь побираются Христовымъ имѣнемъ...”

Въ этомъ разсужденіи обнаруживается очень грубое непониманіе той точки зрѣнія, противъ которой ведется полемика. Г. Ми-

хайловскій неправъ и по отношенію къ г. Чехову, и по отношенію къ комментаторамъ“ его „Мужиковъ“. Половой Николай Чикильдѣвъ, быть можетъ, не соотвѣтствуетъ представленію о половыхъ, вынесенному г. Михайловскимъ изъ наблюденій въ петербургскихъ и московскихъ трактирахъ, быть можетъ, онъ выше или, наоборотъ, ниже средняго уровня. Но онъ вовсе не „отвлеченный половой“, а живой человѣкъ ¹⁾. Г. Чеховъ не сообщилъ намъ, сколько часовъ въ сутки работала эта живая личность, но всего въ очеркѣ, занимающемъ 28 страницъ, не скажешь. Болѣзнь Чикильдѣва отчасти бросаетъ свѣтъ на его прошлую трудовую жизнь, да и кто не знаетъ, что половымъ живется плохо, что ихъ безмѣрно эксплуатируютъ? Г. Чеховъ не говоритъ объ эксплуатаціи, но это не значитъ, чтобы онъ вычеркивалъ не сказанное имъ изъ реальной жизни Чикильдѣва и другихъ половыхъ. Еще менѣе основателенъ упрекъ, направленный по адресу „комментаторовъ“ г. Чехова. Они ничего не „вытираютъ“ изъ жизни эксплуатируемыхъ, они ничѣмъ не изукрашиваютъ города, и ничего не отнимаютъ у деревни. И, если можетъ идти въ данномъ случаѣ рѣчь объ отвлеченіи, то, вѣдь всякое обобщеніе, всякая попытка дать какую-нибудь характеристику сложнаго явленія основаны на извѣстномъ „отвлеченіи“. Противопоставляя западную культуру азіатской дикости, мы отвлекаемся, напримѣръ, отъ тѣлесныхъ наказаній, широко практикуемыхъ въ школахъ Швейцаріи и Германіи, въ школахъ и тюрьмахъ Англіи, и игнорируемъ, что въ русской школѣ, напримѣръ, учитель не имѣетъ права бить учениковъ. Противопоставляя высокій жизненный уровень и развитое сознаніе личнаго достоинства англійскаго рабочаго матеріальному и духовному состоянію рабочихъ въ другихъ странахъ, мы отвлекаемся—и съ полнымъ правомъ—отъ жалкаго матеріальнаго положенія и духовной заботности нѣкоторыхъ группъ англійскаго рабочаго класса. Всякое сравненіе, сопоставленіе и противопоставленіе основано на обобщеніи, а обобщеніе есть не что иное, какъ «отвлеченіе».

¹⁾ Я согласенъ, конечно, что и мужики, и представители города описаны у г. Чехова неполно. „Г. Чеховъ—писалъ я—удивительно отчетливо изобразилъ отдѣльныя дѣйствія, но не далъ характеристики личностей во всей ихъ опредѣленности, т.-е. не очертилъ индивидуальностей“. Это и невозможно въ рамкахъ маленькаго разсказа, состоящаго изъ отдѣльныхъ сценокъ, но всѣ эти сценки написаны необыкновенно живо, а это значитъ, что въ нихъ дѣйствуютъ живые люди.

Конечно, „не только на деревенской родинѣ Чикильдѣева есть люди, живущіе въ грязи, тѣснотѣ, смрадѣ“, конечно, и въ городѣ царить эксплуатація и нищета... Г. Михайловскому нѣтъ надобности напоминать намъ объ этомъ—мы и безъ него хорошо знаемъ эти вещи. И, тѣмъ не менѣе, мы въ полномъ объемѣ поддерживаемъ законность противопоставленія города и порождаемаго условиями городской жизни духовнаго склада—деревни и деревенскому складу.

Идеализація города—въ томъ смыслѣ, въ которомъ разумѣть ее г. Михайловскій, говорящій о „вытираніи“ изъ прошлаго всѣхъ тычковыхъ, о „промываніи“ глазъ и ушей и т. д.—намъ совершенно чужда, какъ чужда она тѣмъ, учениками которыхъ мы не стыдимся быть и считаться. Авторъ „Капитала“ ничего не вытиралъ и ничего не промывалъ, а кто же до и послѣ него съ большей рѣзкостью противопоставлялъ городъ и деревню, какъ глубоко различные общественные уклады, на основѣ которыхъ развиваются различныя духовныя фizioноміи? „Учитель“ не боялся и съ полнымъ правомъ не боялся писать объ „идіотизмѣ деревенской жизни“ и видѣлъ заслугу капитализма и буржуазіи въ разрушеніи этого идіотизма.

Г. Михайловскій цитируетъ заявленіе одного русскаго романтика 70-хъ гг. о „надлежащемъ словѣ“, которое якобы скажутъ люди деревни. Мы совсѣмъ не романтики, и насчетъ „надлежащаго слова“ думаемъ совсѣмъ иначе, чѣмъ цитируемый г. П. Ч. Но его „отвлеченіе“ въ формальномъ отношеніи гораздо выше, чѣмъ приглашеніе г. Михайловскаго отказаться отъ всякихъ отвлеченій и обобщеній. Въ немъ, по крайней мѣрѣ, видно стремленіе стать выше точки зрѣнія, которую отстаиваетъ г. Михайловскій, и которая выражается въ знаменитомъ: „съ одной стороны нельзя не сознаться, съ другой стороны нельзя не признаться“. Съ г. П. Ч. и его еще невымершими единомышленниками мы несогласны въ томъ, какое „слово“ слѣдуетъ признать „надлежащимъ“. Но г. П. Ч. и К^о по своему праву, приписывая деревнѣ и деревенскому укладу извѣстное „слово“,—хотя бы практически оно сводилось къ безсловесности (вѣдь, это тоже своего рода слово!). Указывая „принципъ солидарности, нравственной связи въ противоположность принципу крайняго индивидуализма и разобщенности“, г. П. Ч. по своему праву правильно отмѣчалъ различіе деревенскаго и городского уклада. То, что г. П. Ч. называетъ „крайнимъ индивидуализмомъ“, есть моментъ, для городского уклада необходимый не только

исторически: онъ составляетъ въ сущности живую душу того направленія, которое обычно противопоставляется индивидуализму— между тѣмъ какъ „надлежащее слово“ г. П. Ч. ни по существу, ни исторически не мирится съ этой живой душой. Съ господами П. Ч. мы не будемъ спорить, мы съ ними будемъ бороться, а съ г. Михайловскимъ можно только спорить, ибо, чего онъ практически хочетъ, въ чемъ заключается его „надлежащее слово“— толкомъ не разберешь. Прежде это еще можно было такъ-сякъ разобрать, когда г. Михайловскій говорилъ о необходимости „законодательнаго закрѣпленія“ общины, но вѣдь это было давно; съ той поры г. Михайловскій навѣрное позналъ, что и къ общинѣ, и къ ея „законодательному закрѣпленію“ можно съ полнымъ правомъ примѣнить формулу: „съ одной стороны нельзя не сознаться, съ другой стороны нельзя не признаться.“ Г. Михайловскій, вѣроятно, близокъ теперь къ тому взгляду на общину, который выразилъ намъ въ частной бесѣдѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ извѣстный русскій журналистъ: онъ сравнилъ общину съ великолѣпной каретой, но замѣтилъ, что есть улицы и дороги, по которымъ чрезвычайно непріятно и даже небезопасно ѣздить и въ самыхъ великолѣпныхъ экипажахъ.

„Чеховъ хотѣлъ показать „Мужиками“ то-то или то-то. Такъ говорятъ и пишутъ“. Мы этого не писали. Наоборотъ, мы увѣрены, что у г. Чехова никакихъ намѣреній, кромѣ художественныхъ, не было. Онъ изобразилъ жизнь, живыхъ людей. Разъяснить общественный смыслъ этого изображенія задача того вида литературной критики, которымъ мы время отъ времени занимаемся въ нашихъ бѣглыхъ замѣткахъ.

Г. Михайловскій полагаетъ, что никакого общественнаго смысла въ содержаніи „Мужиковъ“ нѣтъ, ибо въ написанной г. Чеховымъ картинѣ, несмотря на „громкое и какъ бы суммирующее заглавіе“, слишкомъ много „случайнаго, экземплярнаго, непропорціональнаго и недоговореннаго“. Но если въ этой картинѣ слишкомъ много экземплярнаго, то почему же Николай Чикильдѣевъ „отвлеченный половой“? Впрочемъ, у г. Михайловскаго не разберешь даже толкомъ, кѣмъ созданъ „отвлеченный половой“,— г. Чеховымъ или его комментаторами. Вѣроятно, и тѣми и другими вѣстѣ.

Какъ бы то ни было, мы думаемъ, что и въ фигурѣ „отвлеченнаго“ и въ то же время „экземплярнаго“ потового Чикильдѣева, и въ остальномъ содержаніи „Мужиковъ“ есть глубокій

общественный смысл, несмотря на то, что, какъ удостовѣряетъ неизвѣстно къ чему г. Михайловскій, тотъ же г. Чеховъ написалъ пустой водевиль „Медвѣдь“.

Указаніе на этотъ общественный смыслъ кажется г. Михайловскому „чисто теоретическимъ выводомъ“. Къ счастью или къ несчастью, это совсѣмъ не такъ. Общественный смыслъ, который констатированъ нами, имѣетъ огромное практическое значеніе; для тѣхъ, кто его усвоилъ и стремится воплотить въ дѣйствія, онъ не только не остается „на высотѣ теоретическаго вывода“, а, наоборотъ, превращается въ весьма реальные и осязательные практическіе терніи. Нашъ выводъ столь же мало теоретиченъ, какъ и народническій тезисъ о превосходствѣ деревни надъ городомъ. За такими теоретическими выводами всегда слѣдуютъ „Menschenopfer ohne Zahl“.

Отрицая общественный смыслъ за „Мужиками“ Чехова, г. Михайловскій посылаетъ по нашему адресу слѣдующее наставленіе:

„Господа, подайте милостыню своего вниманія подлинной вдовѣ и сиротѣ подлиннаго рабочаго человѣка, гдѣ бы онъ ни работалъ, въ деревнѣ ли, въ городѣ ли, и не сшибайте лбами двухъ разрядовъ людей, жизнь которыхъ, въ разномъ родѣ, но одинаково темна и скудна, одинаково требуетъ, и одинаково заслуживаетъ участія“...

Къ сожалѣнію, этого доброжелательнаго наставленія, отъ чтенія котораго, признаться, насъ нѣсколько покорило, мы не можемъ принять къ исполненію. Разъяснять общественный смыслъ того, что происходитъ въ дѣйствительной жизни, и того, что изъ этой дѣйствительной жизни отражается въ литературѣ, это наша—какъ говорятъ нѣмцы—*verdamnte Schuld und Pflichtigkeit*. На то мы и состоимъ въ литературномъ цехѣ. Пусть г. Михайловскій думаетъ, что это значить „сшибать лбами два разряда людей“, но мы полагаемъ, что ничего такого литература не въ состояніи дѣлать: сшибаетъ лбами только жизнь, и на наше горе въ данномъ случаѣ жизнь производитъ это полезное дѣло съ неперіятной для насъ медленностью. Наша задача и обязанность разъяснять общественный смыслъ явленій жизни и литературы, а задачу „милостыни вниманія“ мы предоставляемъ г. Михайловскому и его единомышленникамъ. Филантропія—душеспасительное дѣло, но ни въ жизни, ни въ литературѣ мы ее не считаемъ общественной задачей. Подлинному рабочему человѣку, какъ общественной группѣ, ни литературною, ни какой-либо иною филантропией не поможешь. А на худой конецъ даже повредишь. Ха-

рактенъ, весьма характеренъ, и своимъ содержаніемъ и своимъ тономъ, этотъ призывъ къ литературной филантропіи. Въ немъ слышится—мы говоримъ, конечно, не о г. Михайловскомъ лично, который поражаетъ своей литературной бодростью—литературное и общественное старчество цѣлаго направленія. Онъ напомнилъ мнѣ мѣткое замѣчаніе Прудона: *La charité dans l'homme est chétive, honteuse, molle et tiède; elle a besoin, pour agir, d'élixirs et d'aromes* ¹⁾. Литературная *charité* тоже нуждается въ эликсирѣ... отъ старости...

Г. Михайловскій думаетъ, что жизнь разныхъ категорій трудящагося населенія одинаково „темна“. Но это-то и требуетъ доказательства. Фактъ эксплуатаціи и всѣхъ связанныхъ съ ней тягостей, ничего не доказываетъ. Условія эксплуатаціи могутъ быть и на самомъ дѣлѣ являются различными. А отъ этихъ условий зависитъ духовный складъ эксплуатируемыхъ. Это, элементарная истина, и на ней какъ-то совѣстно настаивать предъ лицомъ почтеннаго социолога. Но что же дѣлать, иногда приходится, по старой классической поговоркѣ, носить совѣ въ Аѳины. Одинъ извѣстный знатокъ народной русской жизни сообщилъ намъ однажды слѣдующее любопытное наблюденіе. Во Владимірской губ. про попавшихъ туда волей судебъ петербургскихъ рабочихъ, ему пришлось слышать такой характерный отзывъ: они у насъ нынче за студентовъ идутъ. Г. Михайловскій, навѣрное, согласится съ нами, что не всякій „подлинный рабочій человекъ“ можетъ „итти за студента“, что для этого нужны особые условія жизни. Жизнь человека, который „идетъ за студента“, можетъ быть очень тяжела и въ извѣстномъ смыслѣ очень скудна, но просто „темной“ ее называть нельзя. Въ ней есть лучъ свѣта и сознанія. Мы взяли рѣзкій примѣръ. Чеховъ нарисовалъ образы менѣе рѣзко очерченные, и въ этомъ, какъ я указывалъ въ своей статьѣ, художественная сила его очерка.

Но ни въ нашемъ разсужденіи, ни въ картинѣ художника, взятой со стороны ея общественнаго смысла, не важны абсолютныя величины. Центръ тяжести въ разстояніи и различіи между двумя укладами жизни: городскимъ и сельскимъ. Г. Михайловскій не вѣритъ въ существованіе этого разстоянія, не признаетъ его общественнаго смысла. Г. Михайловскій въ данномъ случаѣ боль-

¹⁾ „Благотворительность есть нѣчто слабосильное, позорно-мягкое и тепловатое; духъ благотворенія для того, чтобы дѣйствовать, нуждается въ возбужденіи эликсирами и духами“.

шой еретикъ. Онъ не видитъ фактовъ и не слышитъ ихъ краснорѣчиваго свидѣтельства.

Говоря о превосходствѣ городского уклада надъ деревенскимъ, мы не только не забываемъ о нарядѣ въ городѣ эксплуатаціи, но, наоборотъ, очень твердо и постоянно помнимъ о ней и по очень простой причинѣ. Культурное превосходство города въ значительной мѣрѣ, отчасти прямо, отчасти косвенно, черезъ рядъ посредствующихъ моментовъ, связано съ особенностями господствующей въ городахъ (и другихъ центрахъ скопленія населенія) системы эксплуатаціи труда.

Что специально фабричное производство налагаетъ на своихъ трудящихся представителей особый духовный отпечатокъ, въ этомъ никто не сомнѣвается въ виду полной очевидности этого факта. Безспорно, что капитализмъ, въ особенности въ первыя стадіи своего развитія физически деградируетъ населеніе. И этотъ процессъ очень ярко и жизненно рисуется въ напечатанныхъ въ „Русскомъ Богатствѣ“ воспоминаніяхъ фабричнаго агронома („На задворкахъ фабрики“, Н. Боронина, іюль и августъ). Но столь же несомнѣненъ и тотъ фактъ, что духовному развитію и самосознанію трудящагося населенія условія городского и специально крупнопромышленнаго труда—несмотря на злую эксплуатацию—рѣшительно благоприятствуютъ. Тѣ, кто у насъ въ Россіи съ священнымъ ужасомъ смотрятъ на поступательный ходъ фабричной цивилизаціи, любятъ упрекать фабричный людъ въ „развратности“ и „дерзости“. Такъ было въ крѣпостную эпоху ¹⁾, такъ продолжается до сихъ поръ. Авторъ только что указанныхъ статей въ „Русскомъ Богатствѣ“, несмотря на свое „великодушіе“ или, можетъ быть, благодаря ему, тоже отмѣчаетъ въ обычныхъ выраженіяхъ эту черту: „Жутко было смотрѣть на эти фабричныя съ блѣдно-зеленоватымъ оттѣнкомъ лица, на эту молодежь, поблеклую, но съ ухарскими манерами, съ дерзкими, вызывающими взглядами, на всѣхъ этихъ дѣвицъ въ дипломатахъ и франтовъ въ пиджакахъ“.

Общій типъ фабричнаго рабочаго обрисованъ инженеръ-технологомъ Голгофскимъ въ докладѣ, представленномъ торгово-промышленному съѣзду въ Нижнемъ Новгородѣ:

¹⁾ См. статью М. И. Туганъ-Барановскаго „Народники крѣпостной эпохи“, „Новое слово“, августъ. До п. 1901 г. Теперь эта статья вошла въ извѣстную книгу автора о „Русской фабрикѣ“.

„Проѣзжая по любой нашей желѣзной дорогѣ и окидывая взглядомъ публику на станціяхъ, на многихъ изъ этихъ послѣднихъ невольно обращаешь на себя ваше вниманіе группа людей, выделяющихся изъ обычной станціонной публики и носящихъ на себѣ какой-то особый отпечатокъ. Это, во первыхъ, люди, одѣтые на свой особый ладъ: по-европейски, рубашка цвѣтная на выпускъ, поверхъ рубашки жилетка и неизмѣнный пиджакъ; на головѣ суконная фуражка; затѣмъ это люди большею частью также со слабо-развитою грудью, съ безкровнымъ цвѣтомъ лица, съ безпокойно-бѣгающими глазами, съ безнечпо ироническимъ на все взглядомъ и манерами людей, которымъ море по колено; и праву которыхъ не пренятствуй. Незнакомый съ окрестностью и не зная ея этнографіи, вы безошибочно заключаете, что гдѣ-нибудь вблизи этой станціи есть фабрика. И гдѣ бы вы ни путешествовали по нашей необъятной Россіи, — вездѣ, гдѣ только существуетъ фабрика, вы встрѣтите одинъ и тотъ же типъ людей — типъ фабрично-рабочаго. Онъ, этотъ фабрично-рабочій, такъ сформировался и обособился въ средѣ другихъ классовъ населенія Россіи, что вы сразу узнаете его между сотнями и тысячами другихъ людей, вы узнаете его на сѣверѣ и западѣ, на югѣ и востокѣ Россіи“.

Замѣтите, здѣсь говорится не только о физическомъ типѣ фабричнаго рабочаго.

Приведенную цитату изъ доклада г. Голгофскаго мы нашли въ статьѣ г. Провинціала въ „Русскомъ Обозрѣніи“, который добавляетъ отъ себя, что „фабричный рабочій почти всегда пьяница, развратникъ и совершенный нигилистъ, т.-е. человѣкъ, которому на все въ мірѣ наплевать“ ¹⁾.

Пьяница! Да, пьяница, но онъ, навѣрное, не единственный въ Россіи пьяница. Недаромъ великій писатель говоритъ о всей странѣ, что она „штофъ съ очищенной всей пятерней сжимаетъ“.

Развратникъ! Признаюсь, эта характеристика кажется мнѣ очень неопредѣленной. Какой развратъ имѣетъ въ виду г. Провинціаль? Половой? Чѣмъ онъ его измѣряетъ? Распространеніемъ сифилиса? Но тѣ, на кого всего злѣе и часто безъ всякой вины обрушивается этотъ бичъ, врядъ ли развратѣе тѣхъ, кто умѣетъ и можетъ надлежащимъ образомъ обставлять свои наслажденія. Намъ сдается, впрочемъ, что г. Провинціаль подъ „развратомъ“

¹⁾ Февраль, 1897 г.

разумѣть весь разрывъ съ стройнымъ міросозерцаніемъ, воспитаннымъ „властью земли“, т.-е. въ сущности съ міросозерцаніемъ крѣпостнымъ ¹⁾. Ну, а на этотъ счетъ мы скажемъ: *Le roi est mort, vive le roi!*

„Совершенный нигилистъ, которому на все наплевать“! Нигилистъ — мы оставляемъ на отвѣтственности г. Провинціала это словечко, за свою длинную публицистическую исторію ставшее гнуснымъ и омерзительнымъ. Много литературныхъ прелюбодѣній и прочихъ мерзостей совершенно подъ его покровомъ. Русскому фабричному работнику на все „наплевать“? Неужели? Нѣсколько недѣль тому назадъ за Невской заставой хоронили челоѣка, принадлежавшаго къ предпринимательскому классу, но честно послужившаго дѣлу, на которое русскому рабочему вовсе не „наплевать“ — дѣлу образованія и духовнаго развитія трудящагося челоѣка. Поминая добромъ Н. А. Варгунина, мы должны еще больше почитать тотъ идеализмъ, энтузіазмъ и даже героизмъ, который проявлялъ и проявляетъ русскій рабочій, идущій на ученіе послѣ 12—13 часовъ работы, отдающій тому же ученію значительную часть своего воскресенія. Взоры „пьяницы“, „развратника“ и „совершеннаго нигилиста“, не только „дерзки и вызывающи“, часто они испытующе вперяются въ окружающую дѣйствительность, нерѣдко они уже сознательно стремятся охватить прошлое, настоящее и будущее челоѣчества и добиваются рѣшенія „проклятыхъ вопросовъ“. Конечно, это тоже своего рода „развратъ“...

Мы уже указывали, въ какомъ смыслѣ намъ совершенно чужда идеализація города и городскихъ отношеній. Мы смотримъ на нихъ весьма реалистически и очень далеки отъ прикрашающаго оптимизма. Но мы охотно винимся въ другого рода идеализаціи, въ которой не можетъ не быть повинна никакая реалистическая общественная идеологія. „Такая идеологія — говорили мы въ другомъ мѣстѣ — должна всегда сводиться къ идеализаціи тѣхъ или другихъ дѣйствующихъ въ исторической жизни силъ, должна представлять эти силы, какъ призванныя осуществитъ ея общественные идеалы“ ²⁾. Если объективныя тенденціи

¹⁾ Авторъ этой статьи мѣтко говоритъ: „какимъ загробнымъ голосомъ, голосомъ изъ прошлаго столѣтія, звучитъ извѣстный циркуляръ, вѣщающій о патріархальныхъ отношеніяхъ между нашими рабочими и фабрикантами“ (стр. 817).

²⁾ „Новое Слово“ 1897 г. № 7. „Очерки изъ исторіи общественныхъ идей и отношеній въ Германіи въ XIX вѣкѣ“, стр. 86.

хозяйственного развитія оправдываютъ такую идеализацію, то чѣмъ больше ея въ прогрессивной идеологій, тѣмъ больше, значитъ, въ этой идеологій связи съ реальными силами, творящими общественный прогрессъ.

Итакъ, мы не только реалисты, мы также идеалисты и идеализаторы. Идеализаторы, но не романтики, потому что идеализируемъ не прошлое, а силу, растущую въ современной дѣйствительности. Г. Розановъ въ только что появившейся статьѣ („Литературно-экономическій кризисъ“, „Новое Время“ отъ 23 сент.) упрекаетъ Маркса и марксизмъ въ отсутствіи „порыва“: „Порывъ умеръ въ Марксѣ“.

Этотъ упрекъ и множество другихъ „миѣній“ г. Розанова обличаютъ въ немъ удивительное непониманіе тѣхъ явленій жизни и литературы, о которыхъ онъ трактуетъ, непониманіе, въ значительной мѣрѣ сводящееся къ незнанію того, о чемъ идетъ рѣчь ¹⁾.

Наоборотъ, въ Марксѣ — обаятеленъ синтезъ „науки“ и „порыва“. „Удивительное и вполнѣ заслуженное обаяніе основаннаго на экономическомъ пониманіи исторіи общественного міровоззрѣнія и заключается въ томъ, что его идеаль представляетъ наиболѣе удовлетворяющее современному научному духу соотношеніе „свободы“ и „необходимости“.

Необходимость, это — „наука“; свобода, это — „порывъ“. Безразлично, какъ примирять свободу и необходимость — на почвѣ ли метафизическаго ученія Гегеля, какъ это дѣлали Энгельсъ и Марксъ и дѣлаютъ большинство марксистовъ, или на почвѣ критической конструкціи въ духѣ гносеологическаго монизма. Права „порыва“ остаются въ полной силѣ, потому что „наука“, т. е. въ данномъ случаѣ „экономическое пониманіе исторіи“, не претендуетъ давать отвѣтъ на вопросъ что дѣлать? Этотъ вопросъ рѣшается въ другой инстанціи — интересовъ и идеаловъ, она говоритъ лишь: какъ дѣлать. И этой теоріи („науки“) какъ разъ достаточно — не слишкомъ мало и не слишкомъ много, — для исполненія завѣта Фихте: „Man muss nicht nur kämpfen sondern auch siegen wollen“ ²⁾.

¹⁾ Что же сказать о человѣкѣ, который думаетъ, что марксисты и катедерсоціалисты одно и то же?

²⁾ „Вопросы философіи и психологій“. Янв. — февр. 1897 г. „Свобода и историческая необходимость“, статья П. Струве, стр. 138. Статья эта перепечатывается ниже въ настоящемъ сборникѣ.

Пусть г. Розановъ читается (если можетъ) въ сочиненія великаго нѣмецкаго экономиста и его знаменитаго друга и вдумается въ ихъ жизнь. Здѣсь такъ много „порыва“, что въ сравненіи съ нимъ вся мистическая риторика Розанова и вся его, быть можетъ, весьма праведная жизнь буквально по землѣ ползаетъ.

Мы начали г. Михайловскимъ и кончили г. Розановымъ. Намѣреннаго сопоставленія въ этомъ не было; но незначительно ли, что г. Михайловскій рекомендуетъ намъ заниматься литературной филантропіей, а г. Розановъ попрекаетъ отсутствиемъ „великодушія“?

Ceterum censeo: въ „Мужикахъ“ заключается глубокий общественный смыслъ и потому, независимо отъ высокаго художественнаго достоинства, этотъ маленькій очеркъ замѣчательное литературное явленіе.